

Дани Векслер

Не бойся своей тени

Даша Векслер

Не бойся своей тени

<https://litres.ru/74524434>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дима Сон — семнадцатилетний сахалинский кореец, который молчит, рисует в блокноте птиц с человеческими руками и не верит, что люди могут быть настоящими. Летом 2014 года он приезжает в лагерь «Сосновый Бор», где встречает восемь таких же сломанных подростков и узнаёт, что за речкой есть Второй лагерь — «Заря», где живут их тени, отвергнутые версии себя. В последнюю ночь смены тени меняются местами с теми, кто не был собой всё лето. Чтобы не исчезнуть, девяти подросткам нужно сделать одно — перестать врать. Себе. Другим. Миру. И принять свои тени как часть себя. Потому что сосны гнутся под ветром, но не ломаются. И потому что тень — это не враг. Это ты.

Даша Векслер

Не бойся своей тени

Глава 1

Глава 0.

То, что добывалось кровью.

Сахалин – это не просто место, это состояние. Остров, который долгие годы вырывали из лап могущественной империи и пришили к другой, как лоскут на чужую ткань. Эта земля помнит японские казармы, советские бараки и корейские фанзы, вросшие в сопки, как зуб в десну. Ветер здесь злой – он пронизывает до нитки, режет и сдирает кожу с лица, он забивает дыхание солью и льдом. Море обычно серое, бездыханное. Оно не шепчет, не поёт, как в Сочи, не окутывает, как в Дагестане. Оно молчит, как молчит человек, который видел слишком много и решил никогда никому об этом не рассказывать.

Здесь живёт много этнических корейцев. Их никто не спрашивал, хотят ли они здесь жить. Целый народ сгрузили сюда в тридцать восьмом. Они остались не потому что хотели, а потому что некуда было деться. Корейцы пустили здесь корни в мёрзлую землю, а корни эти прижились и выросли в деревья, которые гнулись под порывами ветра, но не лома-

лись.

Сон – это не просто фамилия, а знак и печать, которая сильно влияет на жизнь носителя семейных уз. Это невозможно просто забыть или стереть из памяти, поскольку Сон означает «рука», а рука – это то, чем держат, чем бьют, чем рисуют, чем управляют и что протягивают в трудную минуту. Сон – это фамилия тех людей, кто всё делает руками, поскольку словом не умеет.

Диме было четыре года, когда бабушка впервые взяла его за руку и повела смотреть на сопки. Стояло жаркое, как печь, но такое короткое Сахалинское лето. Они шли по заросшей багульников тропинке и бабушка медленно, но очень вкрадчиво и чётко говорила по-корейски, чтобы малыш смотрел под ноги. Белые цветы путались в сандаликах маленького Димы, очень редко разбавляя лиловыми красками того же растения. Для бабушки Ани эта земля была священной. С того времени она всегда прививала внуку ценность жертв людей, которые пролили кровь за то, чтобы люди здесь жили так, чтобы было не стыдно. Эта была кровь тех, кто умер здесь, чтобы Дима просто мог здесь идти.

Женщина рассказывала мальчику, что они – сахалинские корейцы, и не просто корейцы, а те, которых вывезли сюда силой и называли японскими шпионами, врагами народа, чужими, но они выжили, несмотря ни на что.

Анна Ильсоновна повернулась к внуку, присела на корточки, взяла в свои тёплые, нежные ладони его маленькое

лицо и тихо, почти шепча произнесла, с характерным «говором»

- Дима, твоя фамилия – Сон. На нашем языке – это означает «рука», та, которой держат, которой рисуют, которой вспахивают землю, которой помнят, что он не грязь, не пыль, а рука! Рука, которую подают близкому, что бы не случилось и рука, которая имеет своё продолжение... Ты – это твои корни и то, что ты есть.

Мальчик не понимал смысла этой фразы, но запомнил голос и руки бабушки, запах багульника, сырой земли и чего-то старого, тёплого и домашнего, что будет приходить к нему во снах долгие годы.

Дом бабушки стоял на краю Южно-Сахалинска, там, где город заканчивался и начинались сопки. Это был старый деревянный домик, с покосившимся от старости крыльцом, половицы которого скрипели, затрагивая все струны души живущих в нём. В доме также стояла печка, которую бабушка топила по утрам даже летом, спасаясь от изматывающей сырости. На кухне у неё всегда висел пучок красного сушёного перца, запах которого разносился по квартире, при готовке ароматного кимчи.

Бабушка учила его готовить кимчи, и это был не просто процесс приготовления еды, а настоящий ритуал, потому что она брала пекинскую капусту, разрезала её пополам, промывала каждый лист и говорила:

— Это не еда. Это терпение. Капуста должна лежать в соли три часа. Потом в перце. Потом в холоде. И только потом появляется вкус. Если поторопишься — получится просто капуста. А не кимчи.

— А если поторопиться с человеком? — спросил Дима, и бабушка посмотрела на него внимательно, как будто он сказал что-то важное.

— С человеком ещё хуже, — сказала она. — Если торопишься — получается не человек, а что-то другое. Что-то, что не запоминается.

Дима смотрел, как она втирает перец в капустные листья, и руки её краснели, и она не обращала на это внимания, и работала молча, сосредоточенно, как будто делала что-то важное, и это было важно, это было важнее всего на свете, а потом они сидели за низким деревянным столом, на котором стояли миски с рисом, с кимчи, с супом, и бабушка рассказывала про Чусок, про праздник урожая, про то, как вся семья собирается вместе, как кланяются предкам, как едят сонпхён, рисовые пирожки с кунжутом, как поют песни и как плачут по тем, кого уже нет.

— Плакать — это не слабость, — говорила она. — Плакать — это память. Тот, кто не плачет, тот не помнит. А тот, кто не помнит, тот не живёт. Он просто существует.

— А ты плачешь? — спросил Дима, и бабушка замолчала, и в кухне стало тихо, только перец шуршал под ножом.

— Плачу, — сказала она наконец. — где Каждый день. Но не показываю. Потому что ты — маленький. А я — при старая. И я должна быть сильной.

Дима не плакал, потому что был маленький, но он запомнил, и это было важнее слёз.

Бабушка умерла, когда ему было четырнадцать, и он узнал об этом утром, когда мать вошла в комнату, села на край кровати и сказала:

— Дима, бабушка... умерла.

Он не заплакал, потому что не мог, потому что слёзы застряли где-то в горле, как кость, как камень, как всё остальное, что он не мог выговорить годами, и он просто кивнул, и мать ушла, и он остался один в комнате, и смотрел в потолок, и не чувствовал ничего.

Он пошёл в школу, отсидел уроки, пришёл домой, закрылся в комнате, достал блокнот и начал рисовать, и он рисовал её, её руки, её нож, её картошку, он рисовал кухню, тёплую, жёлтую, живую, он рисовал себя, маленького, счастливого, рядом с ней, он рисовал Сахалин, снег, ветер, сосны, и он рисовал всю ночь, до утра, пока не закончились страницы.

А потом посмотрел на рисунки и заплакал, впервые за два года, тихо, беззвучно, чтобы никто не услышал, и он плакал по ней, по себе, по Сахалину, по дому, по руке, которая дер-

жала его, а теперь её нет.

Утром мать постучала в дверь и сказала:

— Дима, ты не спал?

Он не ответил.

— Я знаю, тебе тяжело, — сказала она через дверь. —

Мне тоже. Но надо жить дальше.

Он молчал.

— Дима, — сказала она, и в голосе было что-то, чего он не слышал раньше, — я тебя люблю. Слышишь? Я тебя люблю.

Он не ответил, потому что слова застряли, как всегда, и мать ушла, и он остался один, и смотрел на рисунки, и думал, что любовь — это тоже рука, которая держит, но он не чувствует её прикосновения.

Но рука не теряется, она уходит в землю, в кровь, в память, в имя, и Дима понял это позже, в подвале, с зеркалом, с Летовым, с сигаретой в руке, когда посмотрел в зеркало и сказал вслух по-корейски, медленно и чётко, как бабушка:

— Я — Сон. Я — рука. Я — Сахалин.

Он сказал это и услышал себя, свой голос, свою кровь, своё имя, и понял, что рука не разжимается, сосна не ломается, птица не перестаёт лететь, даже если крылья сломаны, даже если небо серое, даже если никто не видит, она летит